

Список литературы

1. Белова О. В., Петрухин В. Я. «Еврейский миф» в славянской культуре. М. ; Иерусалим : Мосты культуры : Гешарим, 2008. 569 с. (Эхо Синая).
2. Дымшиц В. А. Сказки евреев Восточной Европы // Еврейские народные сказки, предания, былички, рассказы, анекдоты, собранные Е. С. Райзе / сост. В. Дымшиц. СПб. : Симпозиум, 2000. С. 5–12.
3. Дымшиц В. А. Еврейское кладбище: место, куда не ходят // Штетл. XXI век. Полевые исследования / сост. В. А. Дымшиц, А. Л. Львов, А. В. Соколова. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 135–158. (Studia Ethnologica).
4. Куприн А. И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 5 : Произведения 1908–1913. М. : Правда, 1964. 419 с. (Б-ка «Огонек»).
5. Мочалова В. Еврейская демонология: фольклор и литературная традиция // Между двумя мирами: представление о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. / отв. ред. О. В. Белова. М. : Сэфер, 2002. С. 101–135. (Акад. сер. ; вып. 9).
6. Околович Е. В. Фольклорные сюжеты, связанные с демоническим и потусторонним, в классической художественной литературе на идише // Параллели : рус.-еврейск. ист.-лит. и библиограф. альм. М. : Дом еврейск. кн., 2003. № 2/3. С. 283–300.
7. С. Ан-ский. Меж двух миров («Дибук») / публ., вступ. текст и глоссарий В. В. Иванова // Мнемозина : документы и факты из истории отечественного театра XX века. Вып. 3. М. : Артист. Режиссер. Театр, 2004. С. 9–63; 517–518.
8. Сергеева И. Этнографические экспедиции Семена Ан-ского в документах // Параллели : рус.-еврейск. ист.-лит. и библиограф. альм. М. : Дом еврейск. кн., 2003. № 2/3.
9. Шивхей Бешт [Хвалы Исраэлю Бааль-Шем-Тову] / [науч. ред., сост. и примеч. И. Лурье, Менахем Яглом] ; пер. с иврита М. Кравцова. М. : Лехаим, 2010. 623 с. (Б-ка еврейск. текстов (БЕТ). Хасидизм).

Н. С. Журавлева (Челябинск)

Образ советского Севастополя в произведениях иностранных писателей*

Севастополь не раз становился персонажем литературных сюжетов, создавал героев русской, а затем и советской словесности. Обращение иностранных авторов к его образу и истории также вполне закономерно.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00219.

В период становления СССР с целью выхода молодого государства из международной изоляции визиты иностранцев, разделявших коммунистические взгляды, поощрялись. Они воспринимали Советскую Россию как страну, сумевшую изменить ход исторического времени после революции 1917 г. и устремленную к созданию нового прогрессивного строя для улучшения жизни человечества. Зарождение подобных настроений в Европе во многом было вызвано началом Великой депрессии и подъемом фашизма.

Обращение к образу Севастополя в этом смысле не было случайным: он воспринимался как один из городов-гарантов безопасности социалистического государства. Так, например, в 1931 г. венгерский поэт А. Гидаш рисует романтический образ южного города с зелеными улицами, морем, которое «беседует с сушею, как юноша с девушкой...» [3], в этом городе поэт чувствует себя защищенным, ведь на страже стоят «моряки краснозвездные». Они «куда-то идут, хохоча в благодушии / Глубоким, морским / колокольчатым хохотом. / И кажется: в мире не веяло холодом». Для Гидаша Севастополь – город, который поет: «И музыка в сердце звучит неустанная, / такая отрадная». Поэт любит Севастополь как миром солнца и всеобщего счастья – миниатюрным воплощением Страны Советов. Подобная романтизация Советского Союза во многом объяснялась восприятием социализма как альтернативы западному капитализму.

Французский писатель А. Жид также полагал, что опыт СССР, являясь беспрецедентным в мировой практике, обладал исключительным значением для развития общества. В очерке «Возвращение из СССР» (1936) он признавал, что в Севастополе, несмотря на наличие более красивых и интересных городов, он чувствовал себя очень хорошо. И хотя местное общество оказалось не столь «избранным и благополучным», как в Сочи или Сухуми, именно здесь он познакомился с жизнью русских во всей полноте – с лишениями и недостатками, достижениями и успехами. Он увидел «спокойный народ», который в этом климате «благоприятствовал будущему, и в котором неожиданно могло произрасти новое семя» [4, с. 554] – эти строки выражали надежду на практическое воплощение идей революции. Между тем он видел противоречия города: с одной стороны, его растрогали «сердечные и братские» отношения между офицерами и матросами, а с другой – поразило обилие беспризорников, иным было меньше десяти лет, покинув родную деревню из-за голода, они бродили полуголые по улицам. Услышав разговор одного из них с милиционером, Жид удивился поведению последнего: ласково убеждая ребенка поехать в интернат, тот улыбался, нежно брал на руки [4, с. 562]. В целом, в адрес простых советских людей Жид говорит немало добрых слов, восхищаясь

их самоотверженностью в годы первых пятилеток. Севастополь для писателя стал своеобразной проекцией нового советского государства, с его плюсами и минусами.

Закономерно, что в 1930-е гг. иностранцы не воспринимали Севастополь как военно-морскую заставу и героический локус. После событий Великой Отечественной войны начинает формироваться образ Севастополя как символа мужества советского народа. Город приобретает мировую славу – в том числе благодаря вкладу иностранных литераторов. Первыми из них выступили латиноамериканские поэты, еще в 1942 г., через 18 дней после падения города, издавшие сборник «Песни Севастополю». Поэт Х. С. Вила надеялся, что город станет могилой для захватчиков: «сто тысяч фашистов под солнцем гниют, / руины и пыль – их последний приют» [2]. Натуралистические, отталкивающие образы врага обеспечивали дополнительную эмоциональную окраску антифашизму: «подлые убийцы»; они гниют, как «всползшие крабы»; их «неприглядный конец» станет праздником «для честных сердец». Севастополь в этих стихах выступает не только символом близкой победы над фашизмом, но и залогом процветания страны: «Там снова и снова герои встают, / там Завтра Америки нашей куют». В этом смысле рецепция образа Севастополя заключалась в осознании его в качестве оплота мира на интернациональном уровне, залога победы добра над злом. Аналогичная оценка города как международного символа антифашизма была характерна для произведений всех авторов сборника. Для латиноамериканских стран – бывших колоний, обретших независимость в ходе острейшего противоборства, – опыт большевиков был особо значимым. В стихотворении Ж. Амаду «Азы Севастополю», построенном в виде диалога чернокожих юноши и девушки, город выступает образной проекцией такой борьбы. Он говорит ей о белом, «как верхняя палуба», Севастополе, где «белочубые моряки» владеют кораблями. Девушка не верит в это: она знает, что все «хозяева – богачи», чьи «трусливые сердца / не взлетают на звонких волнах» [1]. Юноша же убеждает ее, что в той далекой стране «хозяин завода – рабочий», «хозяин земли – крестьянин», а «хозяин жизни – народ». Он обещает ей, что когда-нибудь «белокрылый корабль “Революция”» увезет их в Севастополь, который сейчас захвачен пиратами – фашистами в «кровавых мундирах» и с «грязной душой». Они превратили город в пепелище, и даже синее море «приговорили к смерти». Но им не истребить того, что не умрет, – Революцию! И вдохновленная этим девушка собирается в Севастополь для борьбы с «окровавленными убийцами» всего живого, включая цветы и птиц. Очевидно,

Латинская Америка рассматривала СССР в качестве потенциального союзника, могущего оказать помощь при создании справедливого общества – не капиталистического, породившего эксплуатацию, а социалистического. Популярность идей социализма в странах «третьего мира» после Второй мировой войны объяснялась не только духом революционной романтики, но и финансированием стран соцблока.

В жизни поэта Д. Паттерсона, известного по роли негритенка в фильме «Цирк», Севастополь определил профессию: здесь он служил после учебы в военно-морском училище. Его стихи «Погибшим севастопольцам» (1958) отражают взгляд на город не как на место отдыха или работы, а как на город-герой: «Как исполин из сказочных краев, / Он из руин поднялся величаво / На месте исторических боев» [5]. Историю доблестных событиях здесь хранит буквально все: в земле – «крови горьковатый вкус», «каждый метр – печать былой отваги», а каждый камень «святую память бережно хранит о доле неизвестного солдата». И хотя война ушла в прошлое, Севастополь не позволяет забыть о юношах и девушках, узнавших «со школьных лет войны крутую злость». Именно они создали здесь «памятник, что выше всех вершин», потому их потомки – в ответе «пред памятью недоживших на свете до наших дней отцов и матерей».

Столь же величественный образ города в 1963 г. создал поэт из Югославии Й. Станишич. Он представил его в виде белого исполина, молодого и способного соревноваться с самим солнцем. Антропоморфизм образу придавали «гордое лицо» и увенчанный венком славы «лоб победы». Темпераментно звучит призыв к борьбе против агрессии и страданий народов: «Ты весь – победа жизни! Ты – факел свободы, / Занесенный над последней ночью рабства! Ты – крепость из подвигов сынов своих!» [7]. Очевидно, что восприятие поэтом Севастополя в качестве освободителя проецировалось на весь Советский Союз, что подтверждает его биография: Станишич был репрессирован как противник режима Тито, а после бегства из концлагеря получил в СССР приют и возможность писать стихи. Обращение поэта к городу на «ты» свидетельствует об особой эмоциональной привязанности автора к этому месту. Вспоминая военное детство, он писал: «Когда белое тело твое / Жгли на костре войны, / Имя твое / Разорвало сети меридианов / И на крыльях славы / Долетело / До орлиных скал моей Черногории – / И зажгло партизанские звезды!». Для поэта Севастополь приблизил и его будущее освобождение, и Великую победу всего человечества: «Когда над Европой / Гасли звезды свободы, / Ты высекал из камня искры, / Искры становились молниями, / Молнии сверкали, как мечи, / На синих твоих границах».

Показательно, что в переиздании 1986 г. это стихотворение включало еще две строфы, гласившие, что Севастополь стал памятником героям задолго до Великой Отечественной войны – во время Крымской войны в сражении на Малаховом кургане: «В камне твоём – / блеск нахимовской сабли; / в горсти земли – пироговские слезы» [8, с. 132]. Севастополь для Станишича – символ непобедимости России, т. е. город славы не только советских, но и русских моряков. Здесь очевидно, что эта публикация отражала возрождение в годы «перестройки» интереса к дореволюционному прошлому России. В конструировании образа Севастополя стали использовать исторические сюжеты. Эта тенденция, если говорить о творчестве Станишича, наметилась еще в произведении «Херсонес» (1981). Обращаясь к истокам Севастополя, автор сожалел, что бывшее величие города-полиса кануло в лету: «каменные колодцы с вином пересохли», «на израненных колоннадах только вороны каркают» [6, с. 196–197]. Город был мертв: от мраморных статуй – лишь останки, сады – вырвали ветры, корабли унесло в море. Пытаясь разобраться, случилось это от рук человеческих или по разумению высших сил, он задавался вопросом, кто ваятель, оставивший «память пропавших веков». Поиск ответов на эти вопросы неизбежно уводил в религиозную проблематику – это, в частности, выдавала апелляция к символу херсонесского храма: «Вот и последнему колоколу кто-то вырвал язык». По понятным причинам эпизод о крещении Руси здесь не упоминался.

Таким образом, иностранные литераторы представили Севастополь как уникальное место памяти человечества. Это пространство предельных человеческих испытаний, отсюда наиболее часто город сопровождали эпитеты: *гордый, светлый, славный* и прочие дефиниции благородства. Закономерно восприятие Севастополя сквозь призму белого цвета – атрибута *великодушия, бескорыстия, спасения, победы добра над злом*. В теме судьбы Севастополя, олицетворявшего весь советский народ, актуализировалась, прежде всего, благодарность за победу над фашизмом. При этом сочинения, в которых иностранные авторы обращались к образу Севастополя, были также пронизаны и любовью к собственной родине, наполнены размышлениями об общей судьбе всех народов мира. И хотя в ходе Великой Отечественной войны Севастополь был разрушен, он оставался символом свободы человечества. Для многих иностранных писателей его образ становился проекцией внутренней истории их страны, они воспринимали его через призму судьбы своей родины и страданий, выпавших в XX столетии на долю их народа. Кроме прочего, Севастополь выступал эмблемой Страны Советов, которая, в свою очередь, была синонимом справедливости и примером освобождения от гнета – как фашистского, так и капиталистического.

Рецепция и осмысление образа Севастополя иностранными литераторами во многом отражали определенный политический тренд и ту пропаганду, которая осуществлялась в странах соцблока. Почти все авторы, обращавшиеся к истории города, представляли государства, входившие в мировую систему социализма (Восточная Европа и Латинская Америка). Многие из них, не являясь свидетелями тех или иных исторических событий, оставались наблюдателями, причем, отдаленными от жизни Севастополя как географически, так и во времени. Этим объясняется исключительный перевес литературных приемов и экспрессивной окрашенности текста, присущих одическим жанрам.

Для большинства иностранных писателей Севастополь оставался пространством символическим. Минорная интонация стихов о войне зачастую сочеталась с мажорной: с одной стороны, Севастополь стоял в руинах, но с другой – ему предстояло возродиться и подарить всем надежду. Эта двуплановость в восприятии и изображении города обуславливала обращение авторов к архетипам, берущим исток еще в древних мифах. Город символизировал светлые силы добра, которые вступили в схватку с темными силами зла. Все это упрочивало в культурной памяти советского общества символический и мифологический образ Севастополя, который, несмотря на поражение в результате Первой (1854–1855) и Второй оборон (1941–1942), оставался городом-героем и недосыгаемой крепостью.

Список литературы

1. *Амаду Ж.* Азы Севастополю // Комсомольская правда. 1968. 22 февр.
2. *Вила Х. С.* Клятва Севастополю // Заветный камень : антол. стихов о Севастополе / сост. И. Н. Тучков. Симферополь : Таврия, 1983. С. 103.
3. *Гидаш А.* Севастополь // Заветный камень : антол. стихов о Севастополе / сост. И. Н. Тучков. Симферополь : Таврия, 1983. С. 188–189.
4. *Жид А.* Подземелья Ватикана; Фальшивомонетчики; Возвращение из СССР. М. : Моск. раб., 1990. 635 с.
5. *Патерсон Д.* Погибшим севастопольцам // Советская Украина : лит.-худож. и обществ.-полит. журн. 1959. Кн. 10. С. 112–113.
6. *Станишич Й.* Глаза гор. Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1981. 176 с.
7. *Станишич Й.* Севастополь!... // Заветный камень : антол. стихов о Севастополе / сост. И. Н. Тучков. Симферополь : Таврия, 1983. С. 158.
8. *Станишич Й.* Солнце на скале. Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1986. 232 с.